

Хотя статус линшэна (стипендиата академии) подтверждался раз в три года, Вэнь Жунь попал в тело как раз в удачный момент: прежний хозяин тела только что сдал экзамен на линшэна, а затем сразу же отправился на уездные экзамены на цзюйжэня (учёную степень выше суйца). Именно из-за этой череды напряжённых испытаний он и слёг с таким тяжёлым недугом.

Но для Вэнь Жуня это оказалось к лучшему: даже если он не сдаст экзамены на цзюйжэня, у него в запасе есть три года льгот и стабильного пособия. А если через три года он не сможет подтвердить статус линшэна — к тому времени он уже успеет как следует обустроиться.

Да и в худшем случае он всё равно останется суйцаем — а это уже немало!

Что до результата экзаменов на цзюйжэня — известий пока не было, и Вэнь Жунь не знал, сдал ли прежний хозяин тела или нет.

— Раз ты готов остаться, — сказала тётушка Ян, — так и заботься как следует о троих детях. Мы живём прямо по соседству. Мой муж и старший брат Ван были закадычными друзьями — чуть ли не жизнью друг за друга стояли! Если что понадобится — сразу зови!

— У нас ещё есть немного риса и муки дома. Если не хватит — заходи, бери сколько нужно, — добавила она, намеренно не сказав «одолжи», а именно «бери».

Без настоящей дружбы, проверенной годами, они бы вовсе не вмешивались в чужие семейные дела.

— Я привёз двадцать цзинь белой муки и пятьдесят цзинь овса, — ответил Вэнь Жунь, подумав. — Вместе с тем, что есть дома, хватит на некоторое время. Да и в академии у меня ещё не получены двадцать цзинь риса, двадцать цзинь муки и пять лянов серебра. Как будет время — схожу, заберу. Этого тоже надолго хватит.

Супруги Ян переглянулись — они были поражены:

— Так за учёбу ещё и платят?!

— Да, но только линшэны имеют такое право, — мягко улыбнулся Вэнь Жунь. — У меня к учёбе есть склонность. А ваши два мальчика ещё малы — я буду учить их читать и писать. И сестрёнку тоже надо обучить грамоте, чтобы не росла «неграмотной».

Трое детей впервые робко взглянули на него.

Вэнь Жунь улыбнулся особенно нежно:

— Отныне я — ваш старший брат.

— Ты — старший брат-муж, — поправил его Ван Цзюэ, говоря с неожиданной твёрдостью.

— Хорошо, «старший брат-муж», — рассмеялся Вэнь Жунь, чуть смущённый. — Так вот, давайте теперь дружно жить, хорошо?

Он говорил с Ван Цзюэ на равных, как со взрослым, предлагая обсудить всё по-доброму.

— Лишь бы ты не выгнал Ван Цзиня из дома и не отдал сестрёнку в тунъянси, — сказал Ван Цзюэ. — Я буду хорошо работать: умею готовить, стирать, резать траву для свиней и кормить их.

Ему было всего десять лет, но ростом он выглядел как подросток тринадцати-четырнадцати лет. Правда, был страшно худой, а на руках виднелись трещины — явные следы тяжёлой работы.

Ван Цзинь тоже тут же добавил:

— А я умею ухаживать за курами, утками и гусями. И ем совсем немного.

Он был маленький и худенький, но в глазах у него горел упрямый, почти звериный огонёк — как у щенка-волчонка, которого боятся бросить. Вид одновременно трогательный и жалкий.

Маленькая Ван Мэй молча пряталась за спинами братьев, робко поглядывая на Вэнь Жуня.

— Вам не нужно работать, — мягко сказал Вэнь Жунь, присев на корточки и погладив всех троих по головам. — Просто хорошо ешьте, спите и учитесь читать. Главное — расти здоровыми.

Дети смотрели на него с недоверием и растерянностью.

«Вот он пришёл „в жёны“, а старшего брата увезли в армию... Почему он не злится? Почему хочет нас кормить и растить? Неужели это правда?»

Супруги Ян, однако, сразу поняли: этот молодой суйцай Вэнь Жунь говорит искренне. Тётушка Ян снова растрогалась до слёз, но вскоре их позвали домой — у них самих было трое детей, и без присмотра их надолго не оставишь.

Перед уходом дядя Ян всё же спросил Вэнь Жуня:

— А если дети будут учиться... можно ли будет приводить к вам и наших старших? Не надеемся, что они станут суйцаями вроде вас, но хотя бы грамотными пусть будут — чтобы не

ходили «неграмотными».

— Конечно, можно! — ответил Вэнь Жунь. — Как только я обустроюсь, обязательно дам вам знать.

Он говорил и вёл себя очень надёжно, да и речь его была изысканной, с уважительными формами обращения.

Слово «вы» («вэнь» — 你) дядя Ян, кажется, услышал впервые в жизни.

— Ай, благодарю, благодарю! — засмутился он. Дядя Ян был простым, добродушным мужчиной средних лет, и от такой вежливости даже растерялся. В итоге он ушёл вместе с женой, и оба были очень довольны: «Этот Вэнь-суйцай, что пришёл в дом Ванов, — настоящий добрый человек!»

Проводив соседей, Вэнь Жунь закрыл ворота. Теперь в доме остались только он и трое детей.

Он ласково поднял на руки самую младшую — Ван Мэй:

— Сестрёнка, голодна?

— Ага! — Мэй тут же кивнула, не раздумывая: её животик уже громко урчал.

— Второй брат, третий брат, принесите-ка те две коробки свадебных пирожков, — естественно распорядился Вэнь Жунь. — Одна с хрустящими лепёшками и финиковыми пирожками, другая — с хурмовыми лепёшками и мёдово-пшеничными пирожками.

Все четыре вида сладостей были недорогими, но достаточно стойкими — в эпоху без консервантов такие угощения спокойно хранились семь-восемь дней.

Мальчики принесли коробки. К тому времени Вэнь Жунь уже устроился с Мэй на печи. На столике стояли чайник и четыре чашки, но в деревенском доме, конечно, чая не было — только кипячёная вода.

Вэнь Жунь ничуть не смутился: он налил воду во все четыре чашки, и все четверо уселись вместе за стол.

Эти пирожки купила специально его младшая тётушка перед свадьбой — свежие, специально для такого случая.

Каждому ребёнку он дал по одному угощению:

— Попробуйте сначала. Что понравится больше — то и ешьте.

Видя, что Вэнь Жунь всё это время мягко улыбается, дети наконец осмелились взять сладости.

Пирожки оказались очень сладкими и вкусными — всем троим понравились.

— Расскажи-ка мне, братец, — обратился Вэнь Жунь к старшему, Ван Цзюэ, — как у вас тут вообще дела в доме обстоят?

— Да особо нечего рассказывать, — начал Цзюэ. Несмотря на десять лет и внушительный рост, он всё же оставался ребёнком. Перед таким добрым и спокойным «старшим братом-мужем» он сразу раскрылся, как перед родственником: — После раздела семьи старший дядя с тёткой давно умерли, оставили сына — это и есть Ван Цзинь. А у второго дяди старший сын — полный бездельник. Проигрался в долгах, как и рассказывали дядя с тётушкой Ян. Земля у нас записана на имя старшего брата, поэтому её они не тронули — ведь оформить на себя не смогли бы.

— Сколько у нас земли всего? — спросил Вэнь Жунь. — Я ведь суйцай: имею право на двадцать му земли без налогов и освобождение от повинностей. Это уже неплохая экономия.

— У нас десять му, — ответил Цзюэ. — Но ещё десять му записаны на имя Цзиня — это наследство от его отца, старшего дяди.

— Отлично! Значит, у нас ровно двадцать му, — обрадовался Вэнь Жунь. — Будем сдавать землю в аренду. Не будем брать деньги — только зерно в качестве арендной платы.

— А нельзя ли самим обрабатывать? — обеспокоенно спросил Цзюэ. Несмотря на юный возраст, он уже думал, как взрослый: — Самим выращивать выгоднее.

— Да вы ещё малы, а я сам вовсе не крестьянин, — терпеливо объяснил Вэнь Жунь. — У нас даже крупного скота для пахоты нет — как мы будем пахать? Да и представь: я уйду в поле, а вы трое дома одни. Как я буду спокоен?

Это хоть и новый дом, но место глухое, а люди — не ангелы. Что, если кто-то решит похитить детей, пока я в отсутствии?

Он уже понял: дядя и тётушка Ян согласились на этот брак именно ради детей. Наличие взрослого в доме — это совсем не то же самое, что полное отсутствие опеки.

Иначе бы они, скорее всего, и не поддержали эту свадьбу.